

РАЗДЕЛ IV. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 94(3)(340.152)

Никитина А.Д.

Московский институт экономических преобразований

ОБЫЧАИ И НОРМАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ДРЕВНЕВОСТОЧНОМ ПРАВЕ (КОНЦА III – КОНЦА II ТЫС. ДО Н.Э.)

A. Nikitina

Moscow Institute of Economic Reform

CUSTOMS AND REGULATIONS IN THE ANCIENT ORIENTAL LAW (C.2000-1000 B.C.)

Аннотация. В представленной статье рассматривается роль обычного права в правотворческой деятельности ряда древневосточных правителей и выявляется его соотношение с нормами публичного права, появившимися в результате законодательной деятельности правителя Лагаша Урунимгина (XXIV в. до н.э.), царя государства III династии Ура Ур-Намму (XXII – XXI вв. до н.э.), правителя государства I Династии Иссина Липит-Иштар (первая половина XX в. до н.э.) и царя Старовавилонской державы Хаммурапи (первая половина XVIII вв. до н.э.).

Ключевые слова: обычное право, нормы публичного права, судебный прецедент на древнем Востоке.

Abstract. The article considers the importance of customary law in law-making activities of a number of best known rulers of ancient East and investigates its correlation with public laws and regulations, appearing in legal documents in the time of Uruinimgina, king of Lagash (the 24th century BC), Lipit-Ishtar, ruler of the first dynasty of the Isin Kingdom (the first half of the 20th century BC) and Hammurapi, King of the Old-Babylonian state (the first half of 18th century BC).

Key words: Customary law, public laws and regulations, legal case in ancient East.

В последнее десятилетие мы можем наблюдать активное обращение к древневосточному юридическому наследию не только отечественных специалистов историков, но и профессиональных юристов, правоведов и даже студентов юридических специальностей. Однако часто в работах правоведов мы можем наблюдать излишнее модернизаторство, закономерно приводящее к необоснованным, а порой и ошибочным выводам.

В своей статье мы хотели бы восполнить имеющийся пробел, рассмотрев роль обычного права в правотворческой деятельности ряда древневосточных правителей и сопоставив последние с нормами публичного права, появившимися в результате законодательной правотворческой деятельности правителей.

Прежде всего обратимся к документам правовой практики в рамках частного права (т.н. *di-tilla* – шум. – «судебное решение»). Самые первые из подобных документов появляются в конце III тыс.

до н.э. в Лагаше, древнем городе-государстве в Шумере на территории современного Ирака. Большая часть указанных документов посвящена делам о наследстве, о нарушении брачных контрактов, бракоразводным процессам, обращению в рабство [23, 132-178; 7, 163-167].

При более простых случаях письменная форма не требовалась. При этом некоторые ученые пришли к выводу, что устная форма заключения договора была характерна для децентрализованного общественного устройства, а появление централизованной власти предполагает письменную фиксацию частноправовых документов [8, 127-155].

В Лагаше, как и в других городах-государствах, входящих в тот период в государство III Династии Ура, правовой юрисдикцией на местах обладал общинный суд, но, как указывает С.Н. Крамер, царь являлся у шумеров верховным судьёй [12, 13, 45].

В рассмотрении подобных дел, наряду с рядовыми общинниками, среди которых выбирались судьи-«дику» [23, 134-178], участвовали, как мы можем видеть из источников, главы совета старейшин (представлявшие как храм, так и общинную верхушку (к примеру – «аба-уру»)) жрецы, а также советники царя, связанные с храмовой администрацией, – «суккаль-махи» [2, 197-303].

Количество судей, как мы видим из источников, варьировалось от одного до семи, что могло быть связано со сложностью дела или с большой суммой денег или имущества, являвшейся предметом спора. Большое количество судей было необходимо и в том случае, если истец и ответчик не принадлежали к одной общине [23, 143-178].

Кроме того, в качестве председателей практически всегда упомянуты сменные чиновники «маш-кимы», которые, по нашему мнению, были представителями царя. Они контролировали деятельность местных административных органов и взимали в пользу царя пошлины и, по поручению правителя или «энси», могли заняться расследованием какого-либо дела, если это затрагивало интересы царских людей и лично царя. При рассмотрении дел наследования имущества царских воинов, кроме «маш-кима», всегда присутствует царский гонец и наместник царя «суккаль-мах».

Процесс, вполне вероятно, мог быть составительным (диспозитивным, особенно если обе стороны находились в равном социальном положении), так как основная задача и истцов и ответчиков состояла в том, чтобы убедить наиболее

достойных их своих земляков в своей невиновности и вине своего контрагента. Если в рамках процесса в качестве истцов или ответчиков фигурировали царские люди или слуги наместника, дело значительно осложнялось. В этом случае судьи стояли перед нелёгким выбором: либо защитить интересы члена своей общины, возможно, пойдя на конфликт с представителем центральной или местной власти, либо встать на сторону последних и осудить своего соотечественника [23, 165-178].

Таким образом, говоря о частных юридических документах конца III тыс. до н.э., нужно отметить, что порядок оформления таких документов в целом сложился. Этому же мнению придерживается А.Н. Рифтин, который отмечает, что для документов III Династии Ура письменная запись не была обязательной и, соответственно, в оформлении документов не могло в этот период сложиться однообразие, кроме судебных протоколов [5, 12-27]. К концу III тыс. до н.э. в текстах не только начинает фиксироваться активное применение обычного права, но и выявляются новые юридические прецеденты.

Протокол судебного заседания приобрёл тот вид, который он будет иметь на протяжении нескольких тысячелетий (до VI в. до н.э.). В начале документа всегда описан юридический случай (причина возбуждения дела). Во второй части фиксируются претензии истца, характеризующие дело. Третья содержит клятвы сторон и свидетелей, которые также могли дать суду какие-либо показания или пояснения. Клялись, как видно из источников, в основном именем бога и, вероятнее всего, в храме. Клятвы именем царя появятся позже. По мнению французского исследователя Д. Шарпена, клятвы и различные ритуальные действия в присутствии свидетелей были основой заключения договора [9]. В последней, четвёртой части перечислялись имена судей, «маш-кима» и «энси» (советников царя – «суккаль-махов»). Теперь обратимся непосредственно к публичному праву, которое, на наш взгляд, является прямым отражением общественных процессов, зафиксированных в частноправовых документах.

Рассмотрим любопытный древневосточный источник, содержащий т. н. реформы правителя Лагаша Урунимгины (XXIV в. до н.э.) [6, 177-182].

В источнике, в статьях 11 второй части и 2, 3 и 5 – третьей части упомянуты рассмотренные нами выше «маш-кимы» (или «маш-ким-ди»),

которые, по мнению правителя, злоупотребляли своей властью, контролируя не только судебные сборы в пользу царской казны, но и налоговые поступления с различных категорий общинников. Для борьбы с такими злоупотреблениями, прежде всего, и был создан изучаемый нами источник.

К сожалению, мы не имеем возможности отнести исследуемый документ или его фрагменты к законам или нормам права (в их в современном понимании). Однако в тексте мы обнаруживаем зарождение некоторых элементов структуры правовой нормы, развитие которых будет отражено в Законах Хаммурапи (далее – ЗХ).

С большой долей уверенности мы можем констатировать начало процесса возникновения нормы права.

Особенностью такого типа документов также можно считать первые попытки объединить отдельные правовые аспекты по тематическим группам.

Следующий документ, который хронологически близок к частноправовым документам судебных решений, и поэтому особенно интересен для нас – т. н. законы Ур-Намму.

Перед нами первый дошедший свод законов, который был создан во времена правления основателя III династии Ура царя Ур-Намму (или его сына Шульги, XXII – XXI вв. до н.э.) [11, 23; 1, 61-74; 6, 178-192; 17]. Исследуя частично сохранившийся текст законов, мы можем отметить, что документ представляет собой сборник норм права (протонорм), которые охватывают вопросы семейного, уголовного, имущественного и других аспектов права.

Текст законов уже по традиции начинается с пролога, где, как и в предыдущем случае, восстает «справедливость».

Если сопоставить рассмотренные выше частноправовые документы судебных протоколов со статьями законов, мы заметим любопытную закономерность.

Наибольший интерес для составителей законов (сохранившейся их части) представляют такие правовые аспекты, как семейно-брачные отношения, земельная и другие виды собственности, лжесвидетельство и клятвопреступление, а также – причинение вреда человеку (в том числе – убийство).

В частноправовых документах все подобные дела решаются с присутствием «энси» или «суккаль-махов». Для примера можно привести

текст № 48, где продажа раба была подтверждена «энси», или указанный текст № 41, где приговор об убийстве был подтверждён великим «суккаль-махом».

Особенно внимательно, как уже было указано выше, разбирались судебные дела царских людей, где присутствовали оба должностных лица (как в тексте № 143) [23, 165-178].

Рассмотрение других прецедентов, таких, как, к примеру, признание или не признание за человеком рабского статуса, не требовали присутствия упомянутых выше чиновников (документы № 30, 32, 33, 34, 45 и др.).

Кроме того, при внимательном рассмотрении некоторых документов мы увидим, что они как бы дополняют статьи законов.

Таким образом, мы можем отметить, что законы применялись судьями для принятия решения, фиксируя по разным юридическим случаям максимальное наказание для преступника и максимальное вознаграждение потерпевшим, но только по тем аспектам, которые интересовали верховную власть.

Цари III династии Ура, поставив себя во главе судебных инстанций, не только в качестве административного, но и духовного лидера, вероятно, начали процесс унификации и консолидации имевших место прецедентов.

При этом они выбирали из имевшихся прецедентов самые четкие, конкретные и жёсткие (с большими наказаниями и штрафами).

Подтверждением вышесказанному может служить то, что, как указывает отечественный исследователь А.Н. Рифтин, именно в это время запись любого частноправового документа, относящегося к изменению собственника, аренде, брачным контрактам и т. п. становится формально обязательной. Такие документы приобретают определённый казуальный состав [5, 28-116].

Следующей группой источников, которые мы рассмотрим в нашей работе, будут документы (ana ittišu – акк.) с образцами выражений и оборотов для нужд писцов (прецедентные материалы), сохранившаяся часть из которых была издана Дж. Драйвером и Дж. Майлзом. Такого же типа документы позже будут называться «хубулли» (hubullu – акк.) [13, 309-113; 2, 219-224].

В качестве нормативного материала наиболее научно оправданно, на наш взгляд, привлечь законы Липит-Иштара (первая половина XX в. до н.э.), царя I династии Иссина, а также т. н. шумерские законы, изданные А. Клейем. Текст законов

Липит-Иштара обнаружен в Ниппуре и состоит из 9 фрагментов глиняных табличек, содержащих различные списки оригинального текста [20, 159-167].

Вначале обратимся к законам Липит-Иштара. Законы, сохранившиеся лишь частично, затрагивают вопросы имущественного и семейного права, а также наследования.

Несмотря на плохую сохранность законов, этот документ (в отличие от предыдущих) можно довольно четко разделить на пять тем: наследование различных видов собственности, преступления против чужой собственности, правонарушения рабов и людей, находящихся в зависимом состоянии, семейное право и переход собственности внутри семьи, аренда скота.

Сравнивая же вышеуказанный нормативный источник с прецедентными документами, мы можем отметить ряд особенностей.

В законах Липит-Иштара рассматривается правовое положение убежавшего раба (статья 17 и 18). В тексте норм указывается, что если свободный человек задержал беглого раба в своём доме, то он должен вернуть его, возместить его стоимость (15 сиклей серебра) или отдать принадлежащего ему раба. В прецедентном документе (параграфы 7-11) любой арендатор раба (в том числе его новый владелец) при том или ином юридическом случае (смерть, бегство, болезнь и т. д.) должен заплатить половину оговорённой платы за каждый день его аренды зерном или серебром.

Также в материалах законов есть сохранившаяся не полностью 30 статья, отражающая деятельность общинных судов, где упоминается о деньгах, вероятно, принесённых супругой в дом мужа, которые после развода с ней должны были вернуться в дом отца женщины, или достаться её детям. Также об этом говорится в ст. 25 [2, 211-212]

В прецедентных же материалах чётко оговаривается санкция за развод с супругой – 1/2 мины серебра (параграф 6).

Таким образом, мы фиксируем процесс формализации нормативных источников права, что не было характерно для прецедентных документов. Норма права в начале становится, говоря современным языком, общезакрепительными, а затем теряют непосредственную связь с прецедентной юридической практикой, приближаясь по своему содержанию к торжественным надписям правителей, анналам и даже посвячительным текстам.

Прецедентное право в начале XX в. до н.э. продолжает не просто активно совершенствоваться, а достигает, на наш взгляд, максимальной точки развития, что подтверждается очень известным документом об убийстве храмового чиновника («нишакку») Лу-Инанна [11, 60-67]. Для нас наиболее интересным является тот факт, что царь Исина Ур-Нинурта обратился в нем с просьбой разобраться в произошедшем к собранию жителей Ниппура (прежде всего, совета старейшин), для более юридически обоснованной квалификации вины соучастницы.

В заключение нашего исследования мы обратимся к таким нормативным источникам, как законы Хаммурапи, а также к прецедентным источникам – вавилонским частноправовым документам (конца XIX- начала XVIII вв. до н.э.).

Вавилонские источники по проведению судебных процессов, как частноправовые, так и административные, дошли до нас, прежде всего, из Сиппара, Ниппура, Ларсы и, частично, Ура.

Говоря о законах (или кодексе) царя Хаммурапи (далее ЗХ), нельзя не упомянуть, что он был подробнейшим образом рассмотрен как отечественными, так и иностранными специалистами [2, 223; 9; 13].

Как указывает И.М. Дьяконов, текст законов делится на девять глав: процессуальные нормы, нормы уголовной охраны собственности, нормы регулирования повинностных отношений на царской земле (ст. 26-41; 4) регулирование общих вопросов земельного права, деятельность торговцев и ростовщиков, нормы семейного права и семейного наследования, законы о наказаниях за побои и увечья, регулирование найма и оплаты труда, купля-продажа рабов [2, 246-307].

Теперь рассмотрим частноправовые и другие прецедентные документы указанного периода, посвященные проведению судебных процессов.

Учитывая проведение Хаммурапи знаменитой реформы по подчинению храмовых работников царской власти (т. е. переведение их в категорию царских работников), а также по усилению контроля за деятельностью советов общин (с помощью назначения царских ставленников – «рабианумов»), мы рассмотрим две группы источников. Первая, хронологически относящаяся к правлению отца Хаммурапи – Синмубаллита и царя Ларсы – Рим-Сина, предшествует указанной реформе. Вторая относится непосредственно ко времени правления Хаммурапи, т. е. учитывает возможные последствия его реформ [10, 55-56; 15, 24-25; 22, 354-411].

Подробно изучив первую из указанных групп источников, мы можем отметить активное развитие частноправовой судебной практики до указанной реформы Хаммурапи и создания законов. В некоторых случаях в документах указываются прецеденты, которые потом будут использованы Хаммурапи в своих законах [4, 58-59; 16, 134-158].

Судебные инстанции, как и в более ранний период, представляют собой или общинные суды городов и поселений, или, вероятнее всего, более компетентные храмовые суды, рассматривающие дела местных общин. Их деятельность контролировалась начальниками отдельных регионов – «шакканаку».

Теперь обратимся к документам времени правления Хаммурапи и его сына Самсуилуны.

Все материалы, освещающие протоколы судебных процессов, можно разделить на две неравные части. Первая (и меньшая из них) включает в себя иски различных категорий людей (прежде всего, царских работников), которые доходят непосредственно до рассмотрения царя. Вторая, большая группа состоит из частноправовых протоколов [19, 46-47; 18, 13-90].

Ни в одном из указанных документов мы не обнаруживаем, что сам царь пытается разобраться в прецеденте. Он поручает сделать это своим чиновникам. Ключевой фразой во всех документах является указание: «Разберись (разберитесь) в обстоятельствах дела их и оформи (оформите) это в виде царского указа» (*warkatam puruṣma kima ṣimdatim dinam ṣuhuszunuti*) [25, 5-10]. В некоторых из частноправовых документов даже упоминается обязанность одного из судей принимать судебные иски (*dīnam ṣuhūzum*).

Таким образом, мы можем отметить, что ЗХ оказали очень незначительное влияние на повседневную (частноправовую) судебную практику, так как применялись в основном для рассмотрения дел, связанных с собственностью царя или царских служащих. В любом случае, такое утверждение будет справедливо для различных имущественных прецедентов в вопросах наследства, аренды, раздела собственности, финансовых вопросах внутри торговых сообществ.

К примеру, в упомянутом выше документе из Ниппура № 10 храмовая должность передаётся вместе с закреплённой за ней собственностью, а царь просит проследить, чтобы у подотчетного ему храма не возникло проблем с указанной собственностью (участком земли). Подобное решение полностью соответствует статье 40 ЗХ, где

говорится, что собственность (поле, дом и т. д.) продается только в случае исполнения за неё надлежащих обязанностей [2, 246-307; 19, 46-47]. Процесс формализации нормы права, начатый ранее, в ЗХ доходит до своего логического конца. Сборник правовых норм становится атрибутом легитимности власти и показывает степень её максимальной централизации.

Похожие судебные прецеденты встречались уже в юридической практике царства Ларсы, поэтому, по нашему мнению, не было особой необходимости создавать какие-либо сборники для улучшения судопроизводства, которое имело достаточно высокий уровень развития. Именно судебные прецеденты становятся источниками публичных норм права, что, по нашему мнению, в значительной степени лишает последние законодательной основы.

ЗХ явились частью указанной выше судебной реформы царя Хаммурапи, которая не только легитимизировала его власть, но и создавала довольно стройную судебно-правовую систему внутри страны.

Правитель, прописав основные правила исправления судопроизводства в 1,2,3,4 и 5 статьях ЗХ, оказывался своего рода верховным арбитром в подобных делах, т. к. именно он, а не какие-либо законодательные нормы, являлся носителем верховной власти над всеми людьми в стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьева В.К. Законы Ур-Намму // Вестник древней истории (ВДИ). 1960. № 1.
2. Дьяконов И.М., Дунаевская И.М., Магазинер Я.М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 3, 4.
3. Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
4. Козырева Н.В. Древняя Ларса. М., 1988.
5. Рифтин А.П. Старо-вавилонские документы в собраниях СССР. М., 1937.
6. Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. Струве В.В. и Редера Д.Г. М., 1963.
7. Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. Кузищина В.И. М., 2002.
8. Шарпен Д. Чтение и письмо в Вавилонии. М., 2009.
9. Якобсон В.А. Законы Хаммурапи как источник по истории Старовавилонского периода. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук: М., 1987.
10. Chera E. Legal and administrative documents from Nippur, chiefly from dynasties Issin-Larsa. Philadelphia, 1914.

11. Cramer S.N. Ur-Nammu law code – Orientalia, nova seria. 1954. V. 23.
12. Cramer S.N. The Sumerians: their history, culture, character. Chicago, 1963.
13. Driver G.R., Miles J.C. The Babylonian laws. V. I-II. Ox., 1952-1955.
14. Ebeling E. Altbabylonische Briefe de Louvre-Sammlung aus Larsa. Leipzig, 1942.
15. Ebeling E. Altbabylonische Briefe amerikanischer Sammlungen aus Larsa. Leipzig, 1943.
16. Edzard D.O., «Zwischezeit» Babylonians. Wiesbaden, 1957.
17. Finkelstein G.G. The laws of Ur-Nammu. Journal of cuneiform studies. 1969. XXII. № 3-4.
18. Kraus F.R. Briefe aus dem British museum. Leiden, 1964.
19. Poebel A. Babylonian legal and business document from the first dynasty of Babylon. Philadelphia, 1909.
20. Pritchard J.B. Ancien Near Easten Text. Princeton, 1950.
21. Ranke H. Babylonian legal and business document from the first dynasty of Babylon. Philadelphia, 1906.
22. Schorr M. Urkunden des Altbabylonischen Zivil – und Prozessrechts. Leipzig, 1913.
23. Sollberger E., Falkenstein A. Die neusumerischen Gerichtsurkunden. V. I-III. München, 1956-1957.
24. Sollberger E. Business and Administrative Correspondence under the king of Ur. N.-Y., 1966.
25. Ungnad A. Babylonische Briefe. Leipzig, 1914.

УДК: 282, 291

Чан Тхи Ким Оань

*Институт социальных и гуманитарных наук
при Ханойском государственном университете*

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ БУДДИСТСКИХ ПАГОД ВО ВЬЕТНАМЕ

Chan Thi Kim Oan

*Institute for Social and Human Sciences
at the State University of Hanoi*

ARCHITECTURAL PECULIARITIES OF THE BUDDHIST PAGODA IN VIETNAM

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей буддийских пагод во Вьетнаме. Автор прослеживает смешение буддийских традиций с народными верованиями, что нашло отражение в архитектуре и изображениях буддийских святых. Смешение буддийской традиции и традиций народных верований в районе Бакбо проявляется чрезвычайно богато и разнообразно. Их сосуществование выражается не только в архитектуре пагод, но также и в убранстве изображений святых. Изображение духов и святых является отдельной сферой духовной культуры вьетнамцев, в которой отражено воображение создателей пагоды.

Ключевые слова: межрелигиозная коммуникация, буддизм, религиозное сознание, буддийская пагода, народные верования Вьетнама.

Abstract. The article analyzes some specific features of the Buddhist pagoda in Vietnam. The author investigates the influence of traditional Vietnamese beliefs on Buddhist traditions, which are reflected in architecture and images of the Buddhist saints. The fusion of Buddhist traditions and traditional Vietnamese beliefs is the most impressive and diverse in the area of Bakbo. We can see this confusion not only in the architecture of the pagoda but in the icons of saints. The icon tradition is a separate sphere of the spiritual culture of the Vietnamese which reflects the imagination of the founders of the pagoda.

Key words: interreligious communication, Buddhism, religious consciousness, Buddhist pagoda, traditional Vietnamese beliefs.